

УДК 821.161.1'04.09 + 27-24

С. М. Ермоленко

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: filmusart87@mail.ru

**АПОКРИФИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ
«О ЛЕСТВИЦЕ, ЮЖЕ ВИДЕ ИАКОВ» В СОСТАВЕ ТОЛКОВОЙ ПАЛЕИ:
СИСТЕМА РИТОРИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ, ЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Рассмотрена жанровая структура и поэтико-риторическая система апокрифической Лествицы Иакова в составе Толковой Палеи. В ходе исследования проанализированы жанрово-конструктивные и вспомогательные компоненты данного фрагмента палеинного повествования, выявлены полисемия и смысловая переакцентуация в символическом значении Лествицы.

Ключевые слова: Толковая Палея, Лествица Иакова, Сказание Афродитиана, апокриф, поэтико-риторическая система, жанровая структура.

В рукописной традиции Толковой Палеи апокрифический текст, условно названный в науке «Лествица Иакова», имеет несколько модификаций заглавия. Наиболее лаконичный из них, судя по доступным нам *de visu* рукописям, – «О лествице»¹. Другое, более пространное заглавие «Сказание о лествице, еже небесе досязаше»² опирается, вероятно, на сам текст сказания, который открывается словами «И се лествица бяше утвержена на земли, ей же глава досязаше до небеси» (РГБ. Унд. 718, 1517 г. Л. 156)³. Начало апокрифа почти дословно повторяет фрагмент библейского текста о лествице, явленной Иакову во сне: «...и спа на месте томь и сон виде: и се лествица утвержена на земли, ея же глава досязаше небеси» (Пятикнижие Моисеево, РГБ. Ф. 304.I, ТСЛ 1, XIV в. Л. 29).

Среди палеинных рукописей есть и такие, в которых текст апокрифа не выделяется специальным заглавием из общего потока повествования. В качестве одного из примеров, наряду со знаменитой Коломенской Палеей 1406 г. (РГБ. ТСЛ 38), можно привести Толковую Палею из собрания Костромской библиотеки (РГБ. Ф. 138. Костр. б-ки 320.1–2, кон. XIV – нач. XV в.).

Еще один встретившийся нам вариант заглавия содержит имя ветхозаветного патриарха Иакова, вокруг которого выстраивается библейско-апокрифический сюжет, – «О лествице, юже виде Иаков»⁴. Подобная формулировка встречается в богослужебных текстах, представляющих авторитетную литургическую традицию, которая, в свою очередь, опирается на библейский текст.

¹ РГБ. Ф. 113. Волок. 549, кон. XV в. Л. 117; РГБ. Ф. 310, Унд. 718, кон. XV – нач. XVI в. Л. 153 об.; РГБ. Ф. 310, Унд. 719, 1517 г. Л. 156; РНБ. Кир.-Бел. 68/1145, XV в. Л. 152 об. П. Е. Щеголев также указывает, что «в некоторых списках Палеи, в румянцевском, синодальном, сказание о Лествице надписывается “о лествицы”» [1899. С. 88]. Исследователь, вероятно, имел в виду рукопись РГБ. Ф. 256, Рум. 455, 1494 г. Л. 76–83, по которой А. Н. Пыпиным был опубликован текст апокрифа [Памятники..., 1862. С. 27–32], и рукопись ГИМ. Синод. 210, 1477 г. (текст Лествицы – л. 100 об. – 107 об.), частично воспроизведенную в издании Общества любителей древней письменности [Толковая Палея, 1892].

² Такое киноварное заглавие встретилось нам в рукописях: РНБ. Погод. 1434, XV в. (бывш. Строева 108). Л. 97 об.; БАН. Срезн. 24.5.8, XV в. Л. 29 об. – 30; РНБ. F.IV.603. Л. 21.

³ В данном случае цитируем не Коломенский список, так как текстуально этот фрагмент в Толковой Палее из собрания Ундольского ближе к библейскому тексту.

⁴ ГИМ. Чуд. 348, перв. пол. XV в. Л. 102 об.; РНБ. Погод. 1435, XVI в. Л. 91 об.

В тексте стихир на «Господи воззвах» службы Благовещения в качестве одного из символов Богоматери, наряду с такими, как «земле ненасытная», «купино неопалимая», «глубино неудобь видимая» и «ручко божественныя манны», выбран символ моста, «к небесем преводяй», и высокой лестницы, «юже Ияков виде»⁵. В общей службе богородичным праздникам на утрени в тексте стихир на хвалитех восьмого гласа «Богородицу Марию вси воспоем...» находим такое обращение к Богородительнице: «...радуйся, лестнице одушевленная и разумная»⁶. На утрени в иконе «К Богородицы вопием любовию...» Богородичного Канона также встречаем этот символ: «...радуйся, лестнице и дверь небесная»⁷. Паримийное чтение на вечерне того же богородичного типа службы включает в себя библейский текст о лестнице Иакова из книги Бытие⁸, поэтому неслучайно в цитированной выше рукописи Пятикнижия из собрания Троице-Сергиевой Лавры на верхнем поле листа, содержащего этот эпизод священной истории, есть краткая запись киноварью: «Месяца септевриа въ 8» (л. 29). Эта запись указывает на использование бытийного текста о лестнице в качестве паримийного чтения на вечерне праздника Рождества Пресвятой Богородицы. Киноварным знаком креста обозначено в этой рукописи окончание паримийного текста.

Постоянное упоминание лестницы в богослужебных текстах, посвященных Богородице, конечно неслучайно. Лестница как символ Богоматери нашла широкое распространение в литургическом песнотворчестве и богословии, особенно в гомилетике.

Как отмечает Т. С. Борисова, лестница в качестве символа Богоматери была использована в Словах Андрея Критского на Рождество и Успение Богородицы, Иоанна Дамаскина на Рождество Богородицы, Успение

и Благовещение, в Слове Тарасия Константинопольского на Введение во храм Пресвятой Богородицы, в Слове на хульники Божия Матери, сочиненном Максимом Греком в синтетическом жанре полемической гомилии, а также в Богородичном Акафисте. Бытование лестницы как символа Богоматери из богослужебной практики и рукописной традиции перешло в традицию печатную: «Огородок Богородицы Марии» (Киев, 1672) одного из виднейших гомилетов XVII столетия Антония Радзивиловского, «Руно Орошенное» (Чернигов, 1691) святителя Димитрия Ростовского, «Богородице Дево» (Чернигов, 1707) черниговского епископа Иоанна Максимовича [Борисова, 2001. С. 35, 74–75, 87, 104].

Лестница, наряду с символами *врата / дверь* и *клеца*, в монографии Т. С. Борисовой отнесена к группе символов со значением «связь земного и небесного». Именно дихотомия *земное – небесное* в Толковой Палее особым образом преломляется в теме идеального правителя, соединяющего божественное избранничество и земную власть. Эта тема проходит через все палейное повествование.

Лестница относится к числу традиционных христианских символов, имеющих экзегетическую природу, порожденных путем типологического, пророчески-прообразовательного сопоставления ветхозаветных лиц и событий с новозаветными. Именно этот принцип типологической экзегезы использован как основное средство обеспечения поэтико-риторического единства текста Толковой Палеи.

В палейном тексте рассматриваемого апокрифа есть два прямых указания на истолкование сакрально-прообразовательного значения лестницы, причем толкования эти отличаются по своему содержанию.

Мы попытались представить палейное сказание «О лестнице...» схематически, условно разделив его на эпизоды в соответствии с жанрово-конструктивными и вспомогательными характеристиками⁹, с учетом имеющихся в настоящий момент основных текстологических данных (см. таблицу). Для

⁵ Миняя служебная. Март. М.: Моск. печ. двор, 29.VI.1645 (21.II.–29.VI.7153). Михаил; Иосиф. 2°. См. [Зернова, 1958. С. 60. № 176]. Экземпляр из библиотеки Троице-Сергиевой Лавры: ОРК РГБ. Ф. IV, № 291. Л. 181 об.

⁶ Миняя общая. М.: Андроник Тимофеев Невежа, 19.VIII.1600 (13.VII.7107–19.VIII.7108). Борис; Иов. 2°. См. [Зернова, 1958. С. 19. № 16]. Экземпляр из библиотеки Троице-Сергиевой Лавры: ОРК РГБ. Ф. IV, № 1026. Л. 281 об.

⁷ Там же. Л. 279.

⁸ Там же. Л. 272 – 272 об.

⁹ Методологически значимое разграничение жанрово-конструктивных и вспомогательных элементов повествования применено Е. И. Дергачевой-Скоп в отношении памятника литературы позднего средневековья [1974].

Жанровая структура апокрифического сказания
«О лестнице, юже виде Иаков» в составе Толковой Палеи

№ эпизода	Условное название эпизода	Толковая Палея (ТСЛ 38)	Полная Хронограф. Палея (Чуд. 348)	Жанрово-конструктивные и вспомогательные характеристики	
Комплекс I	1a	Сон Иакова (видение лестницы)	л. 77 – 77 об., стб. 306–307	л. 102 об.	В основе – жанр видения, где центральное место занимает описание лестницы.
	2	Истолкование лестницы	л. 77 об., стб. 307	л. 102 об. – 103	Формально являясь толкованием на явление лестницы Иакову, этот небольшой по объему эпизод завершается обличением иудеев.
	1б	Сон Иакова (явление Бога)	л. 77 об., стб. 307–308	л. 103	Главные жанровые составляющие эпизода – видение и пророчески-прообразовательное обетование.
	3	Хвалебное молитвословие Иакова Богу	л. 77 об., стб. 308	л. 103 – 103 об.	Торжественное, гимническое песнословие, восхваляющее Бога как Идеального Правителя.
Комплекс II	4	Явление архангела Сарилия Иакову	л. 77 об – 78 об., стб. 308–311	л. 103 об. – 104	Конструктивная составляющая – пророчески-прообразовательное толкование. Вспомогательный жанр видения – только форма, обрамление, в которое заключена экзегеза. Антииудейская составляющая при этом совершенно отсутствует.
	5a	Изъяснение слов архангела (Полемика-обличение)	л. 78 об. – 83, стб. 311–329	л. 104 об. – 108	Самый большой по объему эпизод палейного апокрифа. В толкование слов архангела вплетаются антииудейские полемически-обличительные выпады.
	6	Покаянная молитва «жидовина»	л. 83, стб. 329–330	л. 108	«Чистый» жанр покаянной молитвы обрамлен словами повествователя, подталкивающего иудея к сокрушенному обращению к Богу.
	5б	Изъяснение слов архангела (Полемика-обличение)	л. 83 – 83 об., стб. 330–332	л. 108 – 109	«Чистая» полемически-обличительная инвектива против иудеев и в защиту христианской христологии.

удобства использования каждому эпизоду присвоен порядковый номер. В случае если один эпизод разбит другим вставным эпизодом, у каждого отдельного фрагмента рядом

с порядковым номером проставлена буква русского алфавита.

Во втором эпизоде, прерывающем видение экзегетическими и антииудейскими вы-

кладками, ветхозаветная лествица Иакова трактуется как прообраз Креста Христова – главного новозаветного символа земных страданий Спасителя: «водружися древо крестное на земли в страсти Владычню, якоже беяше древле утвержена бысть лествица при Иякове» (ТСЛ 38. Л. 77 об., стб. 307).

Тема Креста вызывает в тексте цепную реакцию: все народы разделяются на крещенные и некрещенные, обратившиеся к распятому Христу и нехристианские. Тут же обнаруживается аналогия в описании лествицы: поднимающиеся по ней ангелы символизируют духовное восхождение христианизированных народов («языки всходяще»), а спускающиеся по лестнице ангелы, напротив, обозначают удаление от Бога, духовное нисхождение народа. Противопоставление *верх – низ* рассматривается как аналогичное антонимическим парам *христианский – нехристианский, крещеный – некрещеный*. Отсюда следует антииудейский выпад: «Приимашеть крещаяся языки Господь и всхожахуть на небо, а еже низходяще, непокоривый, развращенный род жидовьский прообразова» (ТСЛ 38. Л. 77 об., стб. 307). Иначе говоря, противопоставление *христианский – нехристианский* конкретизируется и становится более однозначным: *христианский – иудейский*.

Иное объяснение лествицы содержит четвертый эпизод апокрифического сказания, в котором архангел является Иакову с истолкованием лествицы и предсказанием будущего потомков Израиля. Здесь лествица представлена как символ «беззаконного века», а двенадцать ее ступеней – «времена века того суть» (ТСЛ 38. Л. 78, стб. 309). Беззаконный век, видимо, следует понимать буквально, как период беззакония, безвременья в истории еврейского народа, его угнетения и скитаний. Интересно, что в целом предсказание, переданное ветхозаветному патриарху через архангела, все-таки можно считать жизнеутверждающим, несмотря на то, что именно в этом эпизоде Иаков узнает о будущих страданиях своих потомков: об их многолетнем рабстве под гнетом инородцев, об отступлении народа Божия от веры в Единого Бога и служении языческим капищам, об исходе из страны народа-поработителя и последующих за исходом скитаниях колен Израилевых. Завершается пророчество обетованием, согласно

которому бесплотные силы вместе с еврейским народом будут молить всемилостивого Владыку о благополучии. Мольбы потомков Иакова-Израиля и прошения за них ангельских сил, сообщается в тексте, будут услышаны: «Въпиють же и услышит я Господь, и умолен будет, и раскает бо ся Крепкий и о страданиях их, понеже ангели и архангели излеют моления своя пред Нимь избавления ради племени твоему, и смилитесь Вышнему. Тогда жены их родят помногу, и потом поборет Господь по племени твоем» (ТСЛ 38. Л. 78, стб. 310).

Жанровая структура палейного сказания о лествице довольно сложна. Исходным пунктом повествования в апокрифическом сказании является эпизод видения лествицы во сне Иакову во время остановки на ночлег по пути «к Лавану, ую своему». Интересно, что палейное видение лествицы разбито на две части (см. таблицу, эпизод 1а–1б), примерно равные по объему и очень сходные по типу повествования. Первая часть эпизода представляет собой последовательное детальное описание лествицы. Текстуально этот фрагмент отталкивается от книги Бытия, изобилуя при этом разнообразными подробностями, отсутствующими в библейском тексте и относящимися к описанию самой лествицы и изображению находящихся на ней бесплотных сил. Если в Бытии о лествице сказано лишь то, что «ангели божии въсхожаху и низхожаху по ней, Господь же утвержаашеся на ней» (Пятикнижие, ТСЛ 1. Л. 29), то апокриф, почти дословно повторяя эту формулировку в новом контексте, уточняет, что Лицо, находившееся на вершине лествицы, было «превыше всех» (Чуд. 348. Л. 102 об.), «акы человеце из огня исечено», «из огня до раму и до руку, излиха страшно» (ТСЛ 38. Л. 77 – 77 об., стб. 306–307). Как и во многих других эпизодах палейного повествования, в сказании о лествице поставлен акцент на символично-нумерологической составляющей описания: лествица состоит из двенадцати ступеней; помимо огненного лика, находящегося наверху, на каждой ступени справа и слева человеческие лица, число которых, как подчеркивает составитель, двадцать четыре.

Вторая часть эпизода 1 (в таблице – 1б) содержит обетование Бога Иакову о его потомках. Действия как такового здесь тоже нет, речь идет, скорее, о событийности в

будущем, которая отчетливо проглядывает в этом обетовании: «Землю, на ней же спиши, тебе дам ю», «всточная же и западная вся полна будуть племенем твоим» (ТСЛ 38. Л. 77 об., стб. 307–308). Этот фрагмент также опирается на библейский текст, а дополнения к нему усложняют синтаксис, служат витиеватости стиля и делают повествование повышено экспрессивным за счет ярких риторических приемов: «и умножу племя твое, яко звезды небесныя и яко песок морской, и благословятся семенем твоим вся земля и живущии на ней в последняя времена лет скончание» (Чуд. 348. Л. 103). Кстати, это поэтизированное апокрифическое дополнение к библейской цитате не нашло места в Коломенском списке, но обнаруживается в рукописях, содержащих Полную Хронографическую Палею.

Эпизод 1 разделен на две части текстом небольшого объема, по форме являющимся толкованием описания лестницы. Однако по характеру толкований, по своему содержанию и идеологическому настрою этот фрагмент представляет антииудейскую инвективу.

Описанные эпизоды, по сути являющиеся завязкой, «сюжетной» сердцевинной апокрифа, обладают несколькими жанровыми характеристиками. Базовым, конструктивным для первого комплекса эпизодов является жанр видения, включающий два существенных повествовательных элемента: описание и пророчески-прообразовательное начало. Особую жанровую характеристику палейному видению лестницы придает экзегетико-обличительный компонент, в котором пока только просвечивает полемическая составляющая.

Завершается сон Иакова словами: «И яко услышах се с высоты, трепет и ужас нападе на мя. Встав же, рече, Иаков от сна своего...» (ТСЛ 38. Л. 77 об., стб. 308). В Чудовской Палее окончание фразы от первого лица: «...и встал от сна моего» (Чуд. 348. Л. 103). Наличие словоформ с грамматическим значением первого лица единственного числа П. Е. Щеголев, например, связывает с принадлежностью эпизода 1а–1б древнему тексту апокрифа о лестнице, при этом отказывая в древности происхождения антииудейской инвективе, разрывающей повествование [1899. С. 80] (в таблице – эпизод 2). Текстологическая гипотеза В. М. Истрина в отношении толковой редакции согласует-

ся с позицией П. Е. Щеголева: «Автор Коломенской Палеи имел под руками апокриф в отдельном виде, откуда он брал, что ему было нужно, и снабжал толкованиями» [Истрин, 1905. С. 150]. По нашим наблюдениям, выделенные П. Е. Щеголевым текстологические границы совпадают в данном эпизоде с жанровыми контрастами, т. е. со сменой одной жанрово-конструктивной характеристики на другую. Кроме того, именно в эпизоде 2 находится христианизированное истолкование лестницы как прообраза Креста, совершенно не являющееся идейным и идеологическим продолжением самого видения. Согласимся со словами исследователя: «...при чтении отрывка вам ни разу не придет в голову мысль, что автор его – христианин» [Щеголев, 1899. С. 82], в то время как толкование этого отрывка не просто христианизировано, а тенденциозно антииудейское.

После видения лестницы и божественного обетования Иаков, исполненный трепета и благоговения, обращается к Богу в молитве, которая открывается словами традиционной формулы: «Господи Боже Адамль, твари Твоя, и Господи Боже Аврама, Исака – отцю моею, и всех, ходивших правдою пред Тобою» (Чуд. 348. Л. 103). Некоторые жанровые характеристики этого молитвословия мы находим в тексте апокрифа, причем дает эти жанровые определения сам Иаков: «и встал, и *въспех*, и *рех*» (здесь и далее курсив наш. – С. Е.) (Чуд. 348. Л. 103), «Услыши *пение* мое, имже *воспех* Тя», «И еще мне *глаголющу* молитву свою» (Чуд. 348. Л. 103 об.), т. е. речь идет, видимо, о молитвенном песнословии, судя по форме и содержанию, хвалебном.

Интересно, что Иаков обращается к Богу именно как к Царю и Вседержителю, славному Владыке бесплотных сил. Хвалебный, гимнический характер торжественной песни Иакова в Полной Хронографической Палее подчеркивается длинными рядами однородных членов, в частности восторженных эпитетов, указывающих на абсолютное всемогущество Владыки: «12-верховне, 12-личне, многоименне, огнене, мльнозрачне свете» (Чуд. 348. Л. 103). Охваченный восторгом, Иаков трижды восклицает: «Святе, Святе, Святе!» (Чуд. 348. Л. 103), затем перечисляет еврейские имена двенадцатиликого Бога и продолжает бесконечный ряд эпитетов: «вечный царю, крепче, силне, превеличе,

трьпеливе, благословенне, наплъный небеса и землю, и море, и бездны, и вся веки Твоея славы <...> Ты еси Бог крепок и Господь мой и отец моих» (Чуд. 348. Л. 103 об.). Хвалебная песнь Иакова завершает первый комплекс эпизодов в составе палейного апокрифа.

Жанровая структура второго комплекса явно создавалась по образцу первого. Повествование вновь открывается жанром видения: Иакову является архангел Сарииль (имя указано в Полной Хронографической Палее) с пророчеством о будущем еврейского народа, правда, эмоциональное напряжение в повествовании постепенно угасает. Сам Иаков, вновь от первого лица, сообщает, что при появлении архангела не испытал такого трепета, как перед Вседержителем: «Аз же не ужасохся взора его <...> и видения ангелова не възбохся» (Чуд. 348. Л. 103 об.).

Если в эпизоде 1 жанр видения конструктивен, а обличение и экзегеза – вспомогательные компоненты, то в данном случае явление архангела Иакову – лишь сюжетный ход, при помощи которого в повествование вводится толкование лестницы с мощным пророчески-прообразовательным началом. Никакого намека на религиозную полемику, а тем более обличительного пафоса в эпизоде явления архангела нет.

Значительная часть риторических приемов в палейной Лестнице Иакова приходится на интерполированные экзегетические и полемически-обличительные эпизоды. Риторика выступает здесь и как поэтика, делая повествование более насыщенным и соответствующим содержанию, и как система собственно риторических средств для усиления аргументации против иудаизма и в защиту христианской догматики.

Одним из основных средств достижения идейной ясности и художественной выразительности в палейном тексте апокрифа является использование системы риторических приемов, в основе которой – единый принцип параллелизма. Употребляя термин «параллелизм», имеем в виду, прежде всего, его литературоведческое (риторическое) понимание.

Наиболее очевидным в тексте является, конечно, параллелизм синтаксических конструкций. В данном тексте он чаще всего реализуется в приеме единоначалия. Одинаковые или сходные начала соответствующи-

щих синтаксических единиц, «музыкально»-ритмически организуя текст, безусловно, подчеркивают заложенные в нем основные идеи. Так, в первой части эпизода 5 при описании даров, принесенных волхвами новорожденному Христу, при помощи анафорически организованных синтаксических конструкций нарочито подчеркнута идея царственной власти Бога как Идеального Правителя: «злато же яко Царскы дар и яко Царю приносим, Сь бо Царь небу и земли, реша, Сь бо есть Царь видимым и невидимым, реша, Сь Царь царствующим и Господь господствующим, реша, Симь царствуют и властели власть держать, реша, Сему цари поклоняться и всяк земный» (ТСЛ 38. Л. 82, стб. 325).

Принцип параллелизма может базироваться не только на соположении, сопоставлении, но и на противопоставлении. В таком ракурсе антонимия, систематически прослеживаемая в нашем тексте именно как поэтико-риторический прием, может быть рассмотрена в качестве частного случая параллелизма. Тем более что прием противопоставления зачастую соединяется здесь именно с анафорой: «То бо Младъньць острья вся притупи и серхъкая гладька створи, То бо Младъньць ввърьже вся неправды в глубину морьскую, То бо Младъньць створи чудеса на небеси и днесь на земли обретоша, Того убо уязвиша среде дому взлюбленого, рекше Израилева...» (ТСЛ 38. Л. 82 об., стб. 327).

Особенно эффективным соединением двух этих литературных приемов является в полемически-обличительных выпадах, обращенных к гипотетическому иудею и сталкивающих христианство с иудаизмом в фундаментальном христологическом догмате признания Христа Сыном Божиим и Его крестной смерти как искупительной жертвы за людей: «...разумей, кому спасение, кому ли пагуба, кто ли есть уязвимый Спаса, кто ли есть веруяй к Нему» (ТСЛ 38. Л. 82 об., стб. 328).

В заочном прении с предполагаемым «жидовином» повествователь усиливает эффект, производимый одинаково начинающимися конструкциями, добавляя к ним риторические вопросы: «...аз ти реку, оканьне, вспомяни дни древняя от пьрвзданаго Адама до потопа, кто обешеному злодеви поклонися? Помяни же от потопа до здания столпу, кто ли в томь роду во

обещаного злодея верова? Помяни же от столпотворения до Авраама, помяни же от Авраама до Моисея, помяни же от Моисея до Давида, а от Давида до Иоана Крестителя, сына Захариина, кто во обещаного злодея верова?!» (ТСЛ 38. Л. 83, стб. 330).

Типологическая экзегеза, сопоставляющая события ветхо- и новозаветной «истории» и активно используемая в Толковой Палее, будучи рассмотренной в качестве риторического приема, также представляет частный случай параллелизма, особенно если типологические пары выстраиваются в многочленные ряды, например Адам – Каин – Авель – Неврот – Христос и Ева – Богородица: «...на древе пригвождается за Адама, соблазвившаяся древом, еже родися от Девнице, извед из Адама жену девницею, иже кровь свою проля на кресте за пролившую кровь Авелеву от Каина брата своего <...> тот и в камени положен бысть за Невротово здание столпу» (ТСЛ 38. Л. 82 об., стб. 328).

Особенно интересен случай реализации такого параллелизма в исследуемом тексте, когда ветхо- и новозаветные события объединены не только в пары как экзегетический тип и его антитип, но и связаны между собой одним мотивом, например, присутствия в сюжете водной стихии: «Иже древле от камене нам воду источи, Тот нам днесь в Кана Галелеи воду в вино створи; Иже древле вам повеле проити сквозе Чермное море по суху, Тот днесь повелеваеть Петрови поверху вод ходити» (ТСЛ 38. Л. 83 об., стб. 332).

Завершает палейную Лествицу Иакова эпизод 5а–5б. Его жанрово-стилистическую основу составляет пространное полемически-обличительное толкование обетования, переданного Иакову через Сарию, со встроенной в него покаянной молитвой. Интересно, что исходит молитва не из уст «жидовина». Повествователь-христианин предлагает своему оппоненту слова сокрушения и раскаяния, признания неправоты иудейского вероучения: «Въспомянися, оканне, и възпи к Нему, глаголя: Съгрших, съгрших, Господи, последовавъ отечьскому ми безаконию...» (Чуд. 348. Л. 108).

П. Е. Щеголев и В. М. Истрин в целом описали основные отличия текстов апокрифа, включенных в Толковую и Полную Хронографическую Палею [Щеголев, 1899. С. 80. Примеч. 1; Истрин, 1902. С. 419–420; 1905. С. 150–151]. Особое внимание обра-

тим на отсутствие в доступных нам рукописях Хронографической Палеи текста, соответствующего фрагменту ТСЛ 38. Л. 78–79, стб. 310–314 в Коломенской Палее. Этот текст содержит фрагмент, тесно связанный с апокрифическим сказанием Афродитиана, на что указывал еще И. Я. Порфирьев [1877. С. 59]. П. Е. Щеголев охарактеризовал основные литературные приемы, использованные для введения указанного фрагмента в толковательную часть палейного апокрифа: «Автор, воспользовавшийся сказанием Афродитиана, не переписал его целиком; напротив, он ввел в свое изложение лишь отдельные частички, разместил их по своему усмотрению, а не по тому порядку, в каком они шли в повести Афродитиана, и вставил много своего. <...> Иногда даже является мысль о том, что он писал по памяти» [1899. С. 85].

На этот же фрагмент в Киевской рукописи¹⁰, содержащей текст Толковой Палеи, обратила внимание В. П. Адрианова-Перетц в одном из своих ранних исследований [Адрианова, 1910]. Среди сделанных рукой самого писца редакторских заметок на полях присутствует текст, кратко пересказывающий основные события апокрифического сказания Афродитиана: «гудение» идолов в языческом святилище и путешествие волхвов за путеводной звездой к месту рождения Христа. Эта запись в Киевской Палее, по свидетельству В. П. Адриановой-Перетц, находится как раз напротив сказания о лестнице, содержащего фрагменты из повести Афродитиана [Там же. С. 52–53].

Появление такой приписки-комментария рядом с текстом апокрифа в Киевской Палее, на наш взгляд, связано с идеей божественной природы земной власти, являющейся ключевой для понимания повествовательной логики Толковой Палеи и апокрифического сказания «О лестнице...» в ее составе. В Толковой Палее представлен особый тип «историософии», утверждающий концепцию идеального правителя: от самого Бога-Вседержителя, начальника бесплотных сил, «ни начала имея ни конца», до царственных пророков Давида и Соломона, соединивших божественное избрничество и земную

¹⁰ В настоящее время рукопись хранится в Национальной библиотеке имени В. И. Вернадского (Киев), шифр Мел. М. п. 114 (бывш. Киевской Духовной Академии № Аа 1292).

власть. В записи Киевской Палеи тема божественной власти на земле проявилась через сюжетный ход утраты идолами своего влияния после рождения Христа.

Жанровой основой палейного сказания о лестнице является видение. Жанровое самоопределение этого текста, реализуемое в киноарном заглавии «О лестнице, юже *виде* Иаков», в целом совпадает с жанрово-конструктивными характеристиками, выявленными посредством анализа поэтико-риторической системы сказания.

Центральное положение в образно-символической системе палейного апокрифа «О лестнице, юже *виде* Иаков» занимает подробное описание и истолкование самой лестницы. В составе Толковой Палеи лестница как древний христианский символ подвергается семантической переакцентуации: традиционная принадлежность этого символа к атрибутике Богородицы отодвигается на второй план, в толковании лестницы подчеркивается значимость христологической составляющей. В качестве символа-синонима лестницы в тексте появляется Крест. При этом *связь земного и небесного* как семантическое ядро символического значения лестницы, общее и для богородичного, и для христологического истолкования, сохраняется. Символы лестницы и Креста, концептуально связанные идеей установления связи небесного и земного, божественного и человеческого, на экзегетическом уровне образуют типологическую пару, которая в идеологическом плане дает повествователю повод для полемики и обличения.

Анализ жанровой структуры текста и поддерживающей ее системы поэтико-риторических средств, на наш взгляд, подтверждает ранее высказанную исследователями текстологическую гипотезу о полемически-обличительных интерполяциях в текст апокрифа. Вероятно, для более плотного сцепления эпизодов, различных по происхождению, жанровым характеристикам и идейно-тематическому наполнению, составитель организовал повествование, ориентируясь на принцип параллелизма в изложении материала, с точки зрения текстологии довольно дробного.

По этому же принципу построения параллельных рядов организована жанровая структура палейного апокрифа. Оба комплекса выделенных нами эпизодов скон-

струированы как трехчленные ряды: видение – экзегеза (с полемически-обличительной составляющей) – молитвословие. При этом наблюдается определенная жанрово-стилистическая динамика от первого комплекса эпизодов ко второму: «чистый» жанр видения, определяющий содержательное наполнение первого комплекса, становится формальным обрамлением для экзегетико-полемического текста антииудейской направленности во втором комплексе, торжественно-хвалебное молитвословие Иакова сменяется покаянной молитвой иудея, в экзегетических фрагментах наблюдается усиление антииудейских настроений.

В отношении палейного сказания о лестнице и всего текста Толковой Палеи придется признать необходимость расширенного понимания параллелизма не только как литературного (поэтико-риторического) и языкового явления. Наблюдается также жанровый и идейно-тематический параллелизм. Наиболее часто встречающейся здесь является тема идеального правителя, в основе которой – идея Бога как Царя и Вседержителя. В палейном апокрифе тема идеального правителя настойчиво акцентируется в целом ряде фрагментов: в завершающем первый комплекс эпизодов хвалебном молитвословии Иакова к Богу; в сюжетном вкраплении о событиях Рождества Христова при описании золота как царского дара новорожденному Младенцу; в интерполяциях из апокрифического сказания Афродитиана, повествующих о крушении идольского могущества и утверждении Христовой власти; в поддерживающей эту мысль приписке в Киевской Палее.

Через такую идейную парадигму иначе воспринимается и палейный текст в целом, прежде всего, его толковая редакция. В исследовательской литературе утвердились две основные точки зрения на устройство Толковой Палеи: относительная идейная целостность текста при несоразмерности его частей [Тихонравов, 1898. С. 157–159] и изначальная или редакторская незавершенность и непропорциональность повествования [Успенский, 1876. С. 10, 117, 125; Истрин, 1906. С. 150; Шахматов, 1904. С. 271–272; Водолазкин, 2008. С. 135–139].

У нас есть предположение, пока предварительного характера, что непропорциональность формы связана не с незавершенностью текста Толковой Палеи, а именно с

принципом параллелизма, последовательно проводимым от начала текста до его завершения. Типологическая разновидность богословской экзегезы была выбрана книжником-палеистом не только для того, чтобы сгладить текстологические границы между эпизодами, как в палеинном сказании «О лестнице...», но и для того, чтобы выстроить две параллельные линии «исторического» повествования – ветхо- и новозаветную.

Конечно, описание новозаветных событий в Толковой Палеи не столь хронологизировано, как изложение начальных ветхозаветных книг. В частности поэтому палеинное повествование завершается пророчествами ветхозаветных царей Давида и Соломона о новозаветных событиях. Причем пророчества Давида выстроены хронологически: от непосредственно связанных с Богородицей (введение во храм, благовествование Гавриила, встреча с Елисаветой) до крестных страданий, воскресения и вознесения Христа, а также сошествия Святого Духа на апостолов.

В пророчествах Давида и Соломона преобладает именно иносказательно-аллегорический метод истолкования, традиционно противопоставляемый типологическому. Например, в палеинных пророчествах Давида «гора Божия – гора тучна, гора усырена, гора, юже благоволи Бог жити на ней» (ТСЛ 38. Л. 195 об., стб. 780) из 67-го псалма – аллегория Богородицы. Метод прорицаний царя Соломона охарактеризован следующим образом: «по даней ему от Бога мудрости, створи притчами и гадании, и судомь меру положи и число, хытростью нераздрешимья потаенья уведати створи на ясьнство; привлеча стезями глубины неудобь изьследимья, о всячьских глагола» (ТСЛ 38. Л. 206, стб. 822). В этой характеристике явно преобладает иносказательно-притчевая методология истолкования «утаенных» смыслов. В палеинных пророчествах Давида есть даже целый раздел под названием «потаенья вещи укрываая» (ТСЛ 38. Л. 195, стб. 777). Можно сказать, динамика развития палеинной экзегезы направлена от типологии к аллегорезе. Одна толковательная система замещается другой, в итоге – единство двух методов и двух повествовательно-содержательных уровней.

Ветхозаветная и новозаветная «история» излагается не последовательно, а как две

параллельные повествовательные конструкции. Скрепляют их типологическая экзегеза и тема идеального правителя – от Вседержителя к Давиду и Соломону, а от них к самому Христу – Устроителю нового миропорядка.

Список литературы

Адрианова В. П. К литературной истории Толковой Палеи: из филологического семинария проф. В. Н. Перетца. Киев, 1910.

Борисова Т. С. Символы Богоматери в церковнославянском языке / Под ред. Л. Г. Панина. Новосибирск, 2001.

Водолазкин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеинного повествования XI–XV вв.). 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2008.

Дергачева-Скоп Е. И. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Статья 2 // Проблемы литературы Сибири XVII–XX вв. (материалы к «Истории русской литературы Сибири»). Новосибирск, 1974. С. 5–23.

Зернова С. А. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: Сводный каталог / Под ред. Н. П. Киселева. М., 1958.

Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. СПб., 1906.

Истрин В. М. Редакции Толковой Палеи // ИОРЯС. СПб., 1905. Т. 10, кн. 4. С. 135–203.

Истрин В. М. Рец. на кн.: Владимирова П. В. Древняя русская литература Киевского периода XI–XIII вв. Киев, 1900 // ЖМНП. СПб., 1902. С. 400–436.

Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // СОРЯС. СПб., 1877. Т. 17, № 1.

Тихонравов Н. С. Соч. М., 1898. Т. 1: Древняя русская литература.

Успенский В. М. Толковая палея. Казань, 1876.

Шахматов А. А. Толковая палея и русская летопись // Статьи по славяноведению. СПб., 1904. Вып. 1. С. 199–272.

Щеголев П. Е. Очерки истории отреченной литературы. Сказание Афродитиана. СПб., 1899.

Список источников

Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892.

Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 1.

Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3: Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным.

Толковая Палея 1477 г. Воспроизведение Синодальной рукописи № 210. Вып. 1. [СПб.], 1892.

Список сокращений

Волок. – рукописное собрание Иосифо-Волоколамского монастыря (РГБ)

Кир.-Бел. – рукописное собрание Кирилло-Белозерского монастыря (РНБ)

Костр. б-ки – рукописное собрание Костромской библиотеки имени Н. К. Крупской (РГБ)

Погод. – рукописное собрание М. П. Погодина (РНБ)

Рум. – рукописное собрание Н. П. Румянцева (РГБ)

Синод. – рукописное Синодальное (патриаршее) собрание (ГИМ)

Срезн. – рукописное собрание В. И. Срезневского (РНБ)

ТСЛ – рукописное собрание Троице-Сергиевой Лавры (РГБ)

Унд. – рукописное собрание В. М. Ундольского (РГБ)

Чуд. – рукописное собрание Чудова монастыря (ГИМ)

Материал поступил в редколлегию 05.09.2012

S. M. Ermolenko

**THE APOCRYPHAL LEGEND
«O LESTVICE, JUZHE VIDE IACOV» WITHIN TOLKOVAJA PALEJA:
SYSTEM OF RHETORICAL DEVICES, GENRE CHARACTERISTICS**

The article deals with genre structure, poetic and rhetorical system of apocryphal Ladder of Jacob included in *Tolkovaja Paleja* (Explanatory Palaia). In the study were analyzed the genre-constructive and auxiliary components of this narrative fragment, detected polysemy and semantic shift of symbolic meaning of the Ladder.

Keywords: *Tolkovaja Paleja* (Explanatory Palaia), the Ladder of Jacob, the Legend of Aphroditian, Apocrypha, poetic and rhetorical system, genre structure.